

Одиночество / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Одиночество / рассказ ОДИНОЧЕСТВО

Мы только что весело пообедали в мужской компании. Один из участников обеда, старый мой приятель, сказал мне:

– Давай пройдемся пешком по Елисейским Полям. И мы пошли медленным шагом по длинной аллее, под деревьями, едва опушенными листвой. Кругом ни звука, только обычный глухой и неустанный гул Парижа. Свежий ветерок веял в лицо, по черному небу золотой пылью были рассыпаны мириады звезд.

Спутник мой заговорил:

– Сам не знаю отчего, здесь мне ночью дышать вольнее, чем где-либо. И легче думать. У меня здесь бывают минуты такого озарения, когда чудится, что вот-вот проникнешь в божественную тайну мироздания. Потом просвет исчезает. И все кончается.

Временами мимо нас, прячась под деревьями, скользили две тени; мы проходили мимо скамеек, где двое, сидя рядом, сливались в одной черное пятно.

Мой приятель вздохнул:

– Бедные люди! Они, внушают мне не отвращение, а безмерную жалость. Из всех загадок человеческого бытия я разгадал одну: больше всего страдаем мы в жизни от вечного одиночества, и все наши поступки, все старания направлены на то, чтобы бежать от него. И они, эти любовники, приютившиеся на скамейках под открытым небом, подобно нам, подобно всем живым тварям, стремятся хотя бы на миг не чувствовать себя одинокими; но они, как и мы, всегда были и будут одиноки.

Иные ощущают это сильнее, другие слабее – вот и вся разница.

С некоторых пор меня мучает жестокое сознание страшного одиночества, в котором я живу и от которого нет, слышишь ты, нет спасения!

Что бы мы ни делали, как бы ни метались, каким бы ни был страстным порыв наших сердец, призыв губ и пыл объятий, – мы всегда одиноки.

Я уговорил тебя пойти погулять, чтобы не возвращаться домой, потому, что мне теперь нестерпимо безлюдье моего жилища. Но чего я достиг? Я говорю, ты слушаешь, и оба мы одиноки, мы рядом, вместе, но мы одиноки. Понимаешь ты это?

Блаженны нищие духом, сказано в писании. Им кажется, что они счастливы. Им, этим нищим духом, непонятна наша одинокая тоска, они не бредут по жизни, как я, не зная другой близости, кроме мимолетных встреч, не зная другой радости, кроме сомнительного удовлетворения, что именно я увидел, понял, разгадал и выстрадал сознание нашей непоправимой вечной разобщенности.

По-твоему, у меня голова не в порядке? Выслушай меня. С тех пор, как мне стало ясно, до какой степени я одинок, мне кажется, будто изо дня в день я все глубже спускаюсь в угрюмое подземелье, стен его я не могу нащупать, конца ему я не вижу, да и нет у него, быть может, конца! Я иду, и никто не идет вместе со мной, рядом со мной, больше ни один человек не совершает этого мрачного пути. Это подземелье – жизнь. Временами, мне слышится шум, голоса, крики... Я ощупью пробираюсь навстречу этим невнятным звукам, но я не знаю, откуда они доносятся; я никого не встречаю, никто в этих потемках не протягивает мне руки. Понимаешь ты меня?

Бывали порой люди, которые угадывали эту нестерпимую муку. Мюссе восклицал:

Кто-то зовет меня, шепчет уныло...

Кто-то вошел. Моя келья пуста.

Нет никого, это полночь пробило...

О одиночество! О нищета!

Но у него это была лишь случайная догадка, а не бесповоротная уверенность, как у меня. Он был поэт; он населял жизнь видениями и мечтами. Он никогда не был по-настоящему одинок. Вот я – я одинок! Недаром Гюстав Флобер, один из величайших несчастливцев в мире, потому что он был, одним из величайших ясновидцев, написал женщине-другу такие безнадежные строки: »Все мы живем в пустыне, никто никого не понимает«.

Да, никто никого не понимает, что бы люди ни воображали, ни говорили, ни пытались сделать. Ведь не знает земля, что творится вон там, на звездах, огненным зерном разметанных на таком далеком пространстве, что до нас доходит сияние только немногих из них, а несметные полчища остальных затеряны в беспредельности, и таких близких между собой, что, быть может, они составляют единое целое, молекулы одного тела.

Так вот, человек столько же знает о том, что творится в другом человеке. Мы дальше друг от друга, чем звезды небесные, а главное, больше разобщены, потому что мысль непостижима.

Какая это пытка — постоянно соприкасаться с теми, кого нам не дано понять!

И любим мы так, словно нас приковали рядом, к одной стене, и мы простираем друг к другу руки, но соединиться не можем. Мучительная потребность полного слияния томит нас, но все усилия наши бесполезны, порывы напрасны, признания бесплодны, объятия бессильны, ласки тщетны. Стремясь слиться воедино, мы устремляемся друг к другу и лишь ушибаемся друг о друга.

Сильнее всего ощущаю я одиночество, когда раскрывают сердце другу, потому что непреодолимость преграды становится мне тогда еще виднее. Вот он здесь, передо мной, смотрит на меня ясным взглядом, но душа, скрытая за этим взглядом, недоступна мне. Он слушает меня. А что он думает? Да, что он думает? Понимаешь ты, как это страшно? Что, если он ненавидит меня? Или презирает? Или издевается надо мной? Он обдумывает мои слова, порицает меня, осуждает, решает, что я ограничен или глуп. Как узнать, что он думает? Как узнать, любит ли он меня, как я люблю его? Какими мыслями полна эта круглая, как шар, голова? Какая непостижимая тайна — неведомая мысль другого человека, скрытая и вольная мысль, которую мы не можем ни узнать, ни направить, ни подчинить, ни побороть!

А сам я, сколько ни стараюсь отдаться весь, целиком, распахнуть настежь двери моей души, — я не могу открыться до конца. Где-то в глубине, в самой глубине остается тот тайник моего «я», куда нет доступа никому. Никому не дано найти его, проникнуть в него, потому что никто не похож на меня, никто никого не понимает.

А ты, понимаешь ты меня хоть сейчас? Нет, ты считаешь, что я не в своем уме! Ты наблюдаешь меня со стороны, и я чужд тебе! Ты думаешь: «Что это с ним сегодня?» Но если когда-нибудь ты постигнешь, разгадаешь до конца мою ужасную и утонченную муку, приди и скажи только: «Я понял тебя!» И ты сделаешь меня счастливым хотя бы на миг.

Женщины, как никто, заставляют меня ощущать одиночество.

Горе мне! Горе! Сколько я выстрадал из-за них, потому что они чаще и больше, чем мужчины, создавали мне иллюзию, будто бы не одинок! Когда приходит любовь, душа наполняется неземным блаженством. А знаешь почему? Знаешь, отчего это ощущение огромного счастья? Только оттого, что мы воображаем, будто пришел конец одиночеству. Мы думаем, что перестанем быть заброшенными, затерянными в мире. Какое заблуждение!

Еще больше, чем нас, чем наши одинокие сердца, терзает вечная жажда любви женщину – женщину, этот великий обман мечты.

Ты и сам переживал чудесные часы подле этих длинноволосых обольстительниц с чарующим взглядом. Какой бред туманит наш рассудок! Какое самообольщение увлекает нас!

Не правда ли, так и кажется, что сейчас, сию минуту, мы с ней будем одно. Но эта минута не наступает никогда, и после долгих недель ожиданий, надежд, обманчивых наслаждений приходит день, когда я остаюсь одинок, более одинок, чем прежде.

С каждым поцелуем, с каждым объятием отчуждение растет. И как это больно, как ужасно!

Ведь написал же один поэт, г-н Сюлли Прюдом:

О трепет ласк людских! Как жалок твой удел.

Беспомощной любви бесплодная попытка

Достичь слиянья душ в сплетенье наших тел...

А затем – прощай! Все кончено. И уже с трудом узнаешь ту женщину, которая была для нас всем в какую-то минуту нашей жизни и в чей сокровенный и без сомнения пошлый внутренний мир нам так и не удалось заглянуть! Даже в минуты таинственного слияния двух существ, полного смешения чувств и желаний, когда я, казалось, проникал до самых недр ее души, одно слово,

маленькое словечко, показывало мне, как я заблуждался, и, точно молния во мраке, освещало бездну, зияющую между нами. И все-таки лучшая отрада на земле – провести вечер подле любимой женщины, ничего не говоря и чувствуя себя почти счастливым от одного ее присутствия. Не будем требовать большего, ибо полное единение двух человеческих существ невозможно.

Я же теперь замкнулся в себе. Я не говорю уже никому, во что верю, что думаю, что люблю. Зная, что я обречен на жестокое одиночество, я смотрю на окружающий меня мир и никогда не высказываю своего суждения. Какое мне дело до человеческих мнений, распрей, удовольствий, верований! Я ничем не могу поделиться с другими и охладел ко всему. Мой внутренний мир, незримый для всех, для всех недоступен. На обыденные вопросы я отвечаю общими фразами и улыбкой, которая говорит «да», когда у меня нет охоты тратить слова.

Ты понял меня?

Мы прошли всю аллею вплоть до Триумфальной арки, потом вернулись к площади Согласия, так как излагал он все это очень медленно и говорил ещё многое другое, чего я не запомнил.

Вдруг он остановился и указал рукой на высокий гранитный обелиск, стоящий посреди парижской площади и своим длинным египетским профилем уходящий в звездное небо, на одинокий, памятник, отторгнутый от родины, история которой странными письменами запечатлена на его гранях.

– Смотри, все мы подобны этому камню, – промолвил мой приятель.

И ушел, не добавив ни слова.

Был ли он пьян? Был ли он безумец? Или мудрец? До сих пор не могу решить. Иногда мне кажется, что он был прав; а иногда – что он потерял рассудок.

* * *

[1] Перевод А.Н.Апухтина

[2] Перевод Б.В.Горнунга

Напечатано в «Голуа» 31 марта 1884 года.

Приведенное четверостишие взято из поэмы французского поэта Альфреда де Мюссе (1810 – 1857) «Майская ночь».

Сюлли Прюдом (1839 – 1907) – французский поэт-парнасец.
Некаýalar